

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В.М. Кульков¹,

докт. экон. наук, профессор кафедры политической экономии экономического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Статья посвящена теоретическим аспектам понимания экономического пространства и практике его формирования и функционирования. Выявляются параметры единого экономического пространства; анализируются особенности национальных и интеграционных экономических пространств, характеристики инновационного пространства российской экономики.

Ключевые слова: единое экономическое пространство, национальные и интеграционные пространства, пространственная экономика, пространственные инновационные системы.

The article is devoted to the theoretical understanding of the economic space and the practice of its formation and functioning. The parameters of a single economic space are revealed. Features of national integration and economic spaces, the characteristics of innovative space of the Russian economy are analyzed.

Key words: single economic space, national and integration spaces, spatial economics, spatial innovation systems.

1. Пространственная экономика как предмет теоретического анализа

Ход общественного развития, усиление процессов глобализации и интеграции, усложнение форм территориальной организации производства повысили значимость пространственного аспекта хозяйственной жизни, выявили необходимость его большего теоретического осмысления. В научной терминологии закрепилось понятие «*пространственная экономика*». В разных странах (особенно в европейских — Германии, Голландии, Финляндии, Франции и др.) появились соответствующие учебно-научные подразделения, чаще всего в рамках университетов. Стоит отметить, что в России издается научный журнал под одноименным названием, а у самого пространственного анализа имеются давние отечественные традиции в виде исследований региональной экономики и преподавания соответствующей учебной дисциплины.

¹ Кульков Виктор Михайлович, тел.: +7 (495) 939-31-37; e-mail: viqma@migmail.ru

Вместе с тем поле пространственной экономики шире поля региональной экономики. К последней нужно добавить следующие формы пространственной организации производства и расселения: муниципальная экономика (городских, сельский поселений и других форм местного самоуправления), агломерации, промышленные, энергетические и транспортные узлы, территориально-производственные комплексы разного рода, кластеры, особые экономические зоны. Органичной выглядит здесь и давняя проблема территориального размещения производительных сил. Переход к инновационной экономике привлек внимание к таким специфическим инновационно-территориальным формам, как национальные, региональные и муниципальные инновационные системы, технополисы, наукограды, особые зоны технико-внедренческого типа и т.п. В широком плане к формам пространственной экономики следует относить и международные региональные интеграционные объединения разного типа, хотя по инерции их продолжают изучать преимущественно в курсах мировой экономики. Последнее, по мнению автора статьи, обедняет представление об интеграционных формах, поскольку при этом не используется богатый накопленный потенциал специального (профессионального) пространственного анализа. Большой интерес вызывает также проблема неоднородности и поляризации экономического пространства: межрегиональные сопоставления внутри страны, межстрановые соотношения внутри региональных интеграционных группировок, общие отношения между «центром» и «периферией» в мировой экономике. Весь указанный набор элементов и проблем, касающихся пространственных (территориальных) форм организации экономической жизни и требующих своего осмысления, и формирует поле пространственной экономики как объекта научного исследования, как реальности и как сферы практических действий.

Анализ пространственной экономики имеет богатое историко-научное наследие. Начальный импульс специальному изучению пространственного ракурса экономической деятельности дали в свое время немецкие исследователи И. Тюнен (немецкая географическая школа: «модель изолированного государства» — начало XIX в.), А. Вебер («теория промышленного штандорта» — начало XX в.), В. Кристаллер («теория центральных мест» — рубеж 20–30-х гг. XX в.), которые делали акцент на вопросах территориального размещения производства. В послевоенный период данное направление было продолжено представителями школы пространственного анализа, родоначальником которой можно считать американского ученого У. Айзарда (Изарда). Необходимо отметить и отечественную школу региональных исследований (Н. Колосовский, Н. Некрасов, В. Немчинов, позднее — А. Гранберг и др.), сложившуюся

в советской экономической науке примерно в то же время. Активную работу по анализу различных пространственных аспектов экономической деятельности ведут и многие современные исследователи².

Особо следует выделить присутствие пространственного аспекта в экономической теории, разные школы которой делали пространственные вкрапления (спецификации) в свою структуру, хотя это было, скорее, эпизодически. Можно вспомнить, к примеру, учет фактора территориального местоположения в концепциях земельной ренты в классической политэкономии (Д. Рикардо, К. Маркс); включение в состав изучаемых микроэкономикой форм несовершенной конкуренции так называемой «пространственной конкуренции» (впервые это сделал в 1929 г. немец Г. Хотеллинг, в похожем направлении работает и современный американский исследователь М. Портер, разработавший теорию экономических кластеров); модель транспортной перевозки основоположника неоклассического синтеза П. Самуэльсона; классическую и неоклассическую трактовку внешнеторговых отношений с использованием принципа сравнительных преимуществ по продукции разных стран; учет специфики различных групп (пространств) развивающихся стран в неоклассических, кейнсианских, институциональных концепциях экономического развития и модернизации и др. При этом основоположники неоклассических концепций общего равновесия А. Маршалл, Л. Вальрас, В. Парето считали решающим действие функционально-временного, но не пространственного фактора. Происходил и обратный процесс — активное использование в региональных исследованиях категорий экономической теории. В частности, данным направлением активно занимался уже упоминавшийся лидер пространственной школы анализа У. Айзард (Изард), тяготевший к кейнсианству; представитель теории пространственной организации поляка А. Леш, отталкиваясь от концепций равновесных состояний, обосновал идею «пространственного экономического равновесия» и т.п. В последний период особый интерес вызвала новая экономическая география. Известным ее представителем является лауреат Нобелевской премии П. Кругман со своей концепцией географического распределения экономической активности. Все эти локальные формы пространственной спецификации помогают экономической теории усилить связь с практически значимыми проблемами, повысить свою эффективность.

Но есть основания и для более широкого, системного подхода к теоретическому отражению пространственной экономики, в со-

² Обратим здесь особое внимание на труды недавно ушедшего из жизни видного российского исследователя интеграционной проблематики профессора МГУ Л.И. Глухарева (1929–2013).

ответствии с которым последняя может быть представлена не просто как локальный набор «вкраплений», но и как относительно целостная особая часть самой экономической теории. Пространственный ракурс экономической системы столь же правомочен, как и другие (социально-экономический, институциональный, макро, микро), получившие свое выражение в особых частях экономической теории. Отказ от признания такого ракурса означает обеднение самой экономической системы, являющейся выражением предмета экономической теории. Ограничение же названными выше «вкраплениями» не позволяет целостно отразить пространственный характер этой системы. К тому же у данного направления есть историко-теоретические истоки. Они восходят к Ф. Листу и немецкой исторической школе (примечательно их совпадение во времени с творчеством основателя немецкой географической школы И. Тюнена). Ф. Лист сформулировал теорию автаркии больших пространств: преимущества получают страны (союзы), располагающие большими территориями, в рамках которых отменяются торговые барьеры, возникает ассоциация производительных сил и обеспечивается суверенитет относительно других государств. В другом смысле теория национальной экономики (национальная политэкономия, по Ф. Листу) может рассматриваться как частный случай теории пространственной экономики, а следовательно, здесь может работать и вся аргументация национально ориентированного подхода в экономической теории [Кульков, 2013]. Структура пространственной экономики, если считать ее звеном экономической теории, должна включать в себя две части: первая (фундаментальная) фиксирует общие параметры и элементы целостного пространственного поля экономической системы, вторая (что более привычно) дает широкий набор пространственных спецификаций известных категорий стандартных разделов (уровней) экономической теории, являясь как бы их продолжением. Что касается содержательного наполнения предмета пространственной экономики в общем предметном поле экономической теории, то оно будет сформулировано в следующем разделе, посвященном единому экономическому пространству.

Во второй половине XX в. как отражение реальных мировых процессов получили широкое распространение разнообразные теории пространственного характера: концепции глобалистики, ставящие во главу угла формирование единого глобального пространства; концепции экономической интеграции, делающие акцент на формирование региональных группировок (союзов); теория мир-системного анализа (И. Валлерстайн, А. Сен), которая, напротив, подчеркивает разделение мира на центр и периферию. В дальнейшем анализе основное внимание будет уделено пространственным

экономическим системам, складывающимся в рамках территориально крупных государств (прежде всего в экономике России) и в рамках межгосударственной региональной интеграции. Центральным пунктом этих систем — формирование единого экономического пространства.

2. Единое национальное экономическое пространство

Усиление внимания к проблеме *единого экономического пространства* (ЕЭП) было вызвано преимущественно активизацией интеграционных процессов, образованием региональных экономических союзов, прежде всего Европейского союза (ЕС) с точки зрения его экономического потенциала и научно-аналитического потенциала европейских исследовательских центров. Интеграционный импульс разработке проблемы ЕЭП в нашей стране придало образование Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана с намеченным вектором движения к Евразийскому союзу.

При этом базовой, по мнению автора, остается трактовка ЕЭП применительно к национальным экономикам стран, имеющих большие территории с разнообразными условиями, федеративное устройство государства и тем более находящихся в условиях рыночных экономических преобразований. Россия полностью подходит под указанные характеристики. Ее отличает огромная географическая площадь (в два раза превосходящая ближайшие к нам по указанному критерию страны) и разнородность территорий: естественно-природная (гигантское разнообразие природно-климатических, ресурсных и иных условий), цивилизационная (множество национально-автономных образований, различия в системах ценностей, моделях поведения и т.п.), административно-политическая (федерация) и др. Специфику «пространного поля» России отмечал в свое время основатель Московского университета М.В. Ломоносов. Указанные характеристики — своего рода барьеры единого пространства — предстают как базовые причины, способствующие социально-экономической разнородности страны.

Другая группа причин связана с осуществлением общественно-экономических преобразований в России, неоднозначными последствиями конкретно-исторических процессов, несовершенной или неадекватной экономической политикой, что обусловило трансформационную разнородность пространства — разную степень продвижения к рынку, усиление региональной дифференциации. Переход к новой, рыночной экономической системе в условиях крупной федеративной многонациональной страны, какой является Россия, должен был с самого начала включать в себя и процессы формирования системного пространственного единства национальной эко-

номики, сохранения и укрепления территориальной целостности страны, выработки новых взаимоотношений между федеральным центром и регионами — субъектами Федерации. Прежняя экономическая система была по существу унитарной, несмотря на формально союзный характер страны. При этом в СССР исторически сформировался единый народно-хозяйственный комплекс (ЕНХК) как специфическое адекватное выражение ЕЭП плановой экономики, что необходимо принимать в расчет при рассмотрении периода трансформации. Переход к рынку в условиях Федерации должен был сопровождаться изменениями в отношениях между центром и регионами, в частности по вопросам общего разграничения их полномочий, межбюджетных отношений, размежевания разных форм (уровней) собственности (федеральной, региональной (субъектов Федерации) и муниципальной) и по ряду других вопросов. При переходе к рынку специфика федеративного государства становится усложняющим фактором преобразований, особенно если учитывать наличие национальных территориальных образований. Существует повышенная опасность дезинтеграционных процессов, региональной суверенизации, что чревато разрывом единого пространства, неравномерностью и нарушением ритма проведения преобразований по территории страны. Таким образом, трансформационные процессы в экономике должны с самого их начала дополняться серьезными мерами по обеспечению экономического единства национальной территории с учетом специфики федеративного государства, так же как и шагами в других областях экономической и общественной жизни. Следовательно, рыночные преобразования в таких странах, как Россия, не должны осуществляться по общим рецептам, по моделям и логике, более характерным для «стандартных» экономик. Характер институциональных преобразований, экономической либерализации и макроэкономической стабилизации в этих условиях должен быть тесно сопряжен с пространственным аспектом экономической деятельности. Результатом недостаточного учета данных условий стало нарастание дифференциации между регионами (а в отдельных случаях и локализация внутренней хозяйственной жизни регионов) и чрезмерное укрепление локальных связей с соседними (пограничными) странами.

Конечно, необходимо проводить разграничение между двумя указанными выше группами причин и учитывать это в стратегиях и конкретных мерах по развитию национальной и региональных экономик. Но в данном случае интерес представляет сама проблема разнородности (социальной, инвестиционной, финансовой, инновационной и пр.) экономического пространства страны. Рассмотрим детально социальную и инвестиционную разнородность.

Так, по данным «Доклада о развитии человеческого потенциал в РФ», имеет место сильная дифференциация российских регионов по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) и его составляющим — индексам дохода, образования и долголетия. При среднем по России уровне ИРЧП 0,825 региональный разброс значений составил в 2010 г. от 0,929 до 0,717, в том числе по индексу дохода — от 1,0 до 0,561, по индексу образования — от 0,999 до 0,799, по индексу долголетия — от 0,797 до 0,591 [UNDP Website, 2011]. Если характеризовать межрегиональную инвестиционную неоднородность в России через индекс концентрации Герфиндаля — Хиршманна, то можно отметить резкое повышение этого индекса в 1990-е гг.: если в 1970–1980 гг. он составлял примерно 200 (при теоретически минимальной величине в 112), то в начале 2000-х гг. достиг цифры 500 [Валиуллин, Шакирова, 2004, с. 157–158]. При этом межрегиональное неравенство преодолевается крайне слабо. Как показывают отдельные исследования, степень конвергенции (выравнивания) регионов в России заметно уступает показателям других стран (в том числе из ЕС), также характеризующихся сложной региональной структурой (таблица).

Сравнение России с другими государствами по степени конвергенции регионов внутри стран

Страна	Число регионов	Период анализа	Предмет анализа	Скорость сходимости, %
США	48	1880–1990	Среднедушевые доходы населения	2,1
Япония	47	1955–1990		1,9
Германия	11	1955–1987		1,4
Великобритания	11	1955–1987		2,0
Франция	21	1955–1987		1,6
Италия	20	1955–1987		1,0
Испания	17	1955–1987		2,1
<i>Россия</i>	<i>79</i>	<i>2000–2008</i>	<i>ВРП на душу населения</i>	<i>1,2</i>

Источник: [Сорокина, 2011, с. 167].

Отмеченная неоднородность позволяет говорить о серьезных деформациях российского экономического пространства, создающих потенциальные угрозы дезинтеграции и разрушения территориальной целостности страны. Проблема обеспечения полноценного

ЕЭП имеет для России актуальное значение. Можно сказать, что Россия в силу своей специфики нуждается в особом внимании к данной проблеме.

Так что же представляет собой ЕЭП страны с точки зрения глубинных характеристик? Указание на последние важно потому, что чаще всего используются конкретно-экономические функциональные формулировки. Теоретическое определение ЕЭП (определение, адекватное предмету экономической теории) может быть следующим: *ЕЭП страны* — это локальная, ограниченная национальной территорией сфера экономических отношений, которая характеризуется:

- системностью отношений и их однотипностью на всей территории страны (прежде всего по способам экономической координации и типам социально-экономического присвоения);

- единым институциональным управлением и единым стратегическим целеполаганием (общими целями национального экономического развития);

- механизмами системного поддержания экономической целостности, устойчивости, жизнестойкости и единства исторически сложившегося пространства;

- целостным национальным воспроизводством;

- определенным масштабом производства (хозяйственной деятельности);

- оптимальным внутривнутрипространственным размещением ресурсов (производительных сил);

- плотностью и насыщенностью хозяйственных связей;

- высокой мобильностью и минимальными барьерами хозяйственной деятельности, беспрепятственным движением ресурсных, финансовых и товарных потоков;

- воздействием местоположения и специфических факторов (географического, природно-климатического, геополитического и иных) на экономические отношения и формы;

- едиными базовыми институтами и государствообразующей системой ценностей;

- взаимодействием с другими экономическими пространствами;

- экономической безопасностью территории и т.п.

В таком понимании ЕЭП вписывается в координаты национальной экономической системы как системы национально-экономических отношений, которая не сводится к простой спецификации стандартной (универсальной) системы: она шире, полнее и сложнее ее. По своей сути национальная экономическая система является смешанной системой [Кульков, 1996], в которой смешанность продуцируется реальным разнообразием условий в данной стране.

Национальная экономическая система опирается на объективные предпосылки своего существования: во-первых, на уровень развития и характер национальных производительных сил; во-вторых, на национально-специфические факторы, включая неэкономические (природно-климатический, географический, геополитический, социокультурный и др.); в-третьих, на жизненно необходимые цели национального развития (для России это суверенность развития, модернизация производства, «сбережение народа», сохранение территориальной целостности и т.п.). Данная зависимость может быть обозначена как закон соответствия национально-экономических отношений уровню и характеру национальных производительных сил, национально-специфическим факторам и целям национального развития. Как видно, формулировка закона находится в рамках известной политэкономической терминологии и не выводит национальную систему и ЕЭП из общих координат экономической теории.

Надо понимать, что ЕЭП не означает тотальной унификации пространства, отсутствия всяких элементов неоднородности: во-первых, некоторые из них труднопреодолимы; во-вторых, неизбежно разнообразие условий, форм и результатов хозяйственной деятельности в различных регионах. Главное здесь — действие фундаментальных характеристик ЕЭП, направленность внутренних механизмов (режимов) функционирования системы и проводимой экономической политики на снижение неоднородности территории.

ЕЭП представляет собой органичную совокупность более локальных пространств, своего рода подсистем. Можно говорить в этом ключе о единых социальном, инвестиционном, бюджетном, банковском, институциональном и иных пространствах национальной экономики.

Еще одна важная сфера ЕЭП — *единое инновационное пространство страны*, формирование которого является условием перехода России к инновационной экономике. В самом общем виде оно представляет собой проекцию ЕЭП на инновационную сферу национальной экономики, а более концентрированное выражение находит в формировании национальной инновационной системы (НИС). Под НИС следует понимать систему экономических отношений, хозяйственных связей, институтов, структурных элементов, направлений и форм реализации государственной политики, обуславливающих и обеспечивающих в рамках ЕЭП создание, внедрение и реализацию инноваций и повышающих на этой основе конкурентоспособность национальной экономики. В данном определении важна базовая связь с системой экономических отношений и с ЕЭП, что отсутствует в распространенных трактовках НИС.

В России в настоящее время имеются лишь отдельные фрагменты НИС, а инновационное пространство выглядит крайне разнородным. В соответствии с Международным инновационным индексом Россия в 2011 г. находилась на 56-м месте (из 125). Согласно индексу Европейского инновационного обследования, она отстает от среднего уровня по ЕС примерно в три раза [Система оценки..., 2012, с. 49].

Формирование НИС и единого инновационного пространства является для России жизненным императивом. Инновационное пространство страны должно быть единым, несмотря на объективные различия в инновационном потенциале разных ареалов этого пространства и невозможность повсеместного клонирования проектов типа «Сколково» и т.п. «Единость» означает в данном случае реализацию ЕЭП применительно к инновационным процессам, включенность всех территорий и субъектов в структуру НИС, в частности широкую доступность всех сфер воспроизводства человеческого капитала и инфраструктуры инноваций, преодоление барьеров и формирование благоприятной экономической среды инновационной деятельности, действие системы эффективных стимулов для инноваторов и потребителей инновационной продукции и т.д.

В рамках единого инновационного пространства страны часто существуют также региональные и муниципальные инновационные системы (соответственно РИС и МИС). В широком смысле они могут пониматься как региональный и муниципальный компоненты НИС, а все вместе определяться как *пространственные инновационные системы*. В узком смысле РИС и МИС могут рассматриваться как относительно самостоятельные системы, отражающие различия инновационных потенциалов и специфику условий разных территорий. В инновационные системы или в их пересечения могут входить и разнообразные инновационно активные территории — особые экономические зоны (прежде всего технико-внедренческого типа), наукограды, академгородки, технопарки, технополисы, инновационные кластеры.

Наличие указанных форм в рамках ЕЭП способствует активизации инновационной деятельности, включает в оборот дополнительные резервы развития, делает инновационное пространство более плотным и насыщенным. При этом необходим продуманный механизм координации взаимодействия федеральных, региональных, муниципальных органов в инновационной сфере экономики, в том числе по разграничению их полномочий по отношению к инновационно активным территориям и функциональным элементам инновационной инфраструктуры. Нужен и эффективный механизм организационной и финансовой поддержки инновационных усилий на местах, особенно на начальных стадиях формирования

инфраструктуры инноваций и образования инновационных кластеров. Меры подобного характера будут способствовать развитию НИС и единого инновационного пространства страны.

3. Интеграционные экономические пространства

ЕЭП страны может входить в более широкие пространства — как в международные (интеграционные) экономические, так и взятые в единстве с политическим, гуманитарным, культурным и другими пространствами, обеспечивая в последнем случае комплексный характер общего национального пространства. Интеграционные процессы формируют новые экономические пространства. Глобализация своеобразно сочетается с укреплением региональных экономических группировок как коллективным способом повышения конкурентоспособности экономик. С одной стороны, этот способ помогает глобализационным процессам, а с другой — в известной степени противостоит «безмерной» и «безудержной» глобализации.

Тем большее значение имеют интеграционные процессы на постсоветском пространстве, объединяющем страны Содружества Независимых Государств (СНГ). Объективными предпосылками развития указанных процессов выступают: общность истории, сложившиеся кооперационные связи в рамках единого народно-хозяйственного комплекса СССР, выгоды использования адаптированного спроса на готовую продукцию для ее экспорта на рынки друг другу, унифицированность и привычность многих стандартов, возможность выработки совместных решений и общей линии поведения для лучшей защиты национальных интересов в мирохозяйственной сфере и т.п.

Вместе с тем имеются факторы, тормозящие интеграционные процессы в СНГ. К ним следует отнести: разрыв многих сложившихся хозяйственных связей в результате глубоких кризисных явлений 1990-х гг. и усиления суверенизации стран; деформированную структуру взаимной торговли с преобладанием в ней топлива и сырья, что, в отличие от производственной кооперации на базе внутриотраслевого разделения труда, не ведет к взаимопереплетению экономик; замкнутость национальных валют указанных стран; нацеленность сложившейся формы сотрудничества на взаимосвязь не столько рынков и предприятий, сколько самих государств; заметную дифференциацию стран СНГ по технологическим, экономическим и социальным параметрам; боязнь усиления интеграции в условиях явного доминирования России на постсоветском пространстве; внешнее влияние. В итоге интеграционные процессы в СНГ не отличаются динамизмом и глубиной. Они приняли разноскоростной характер. Наиболее глубокой формой интеграции

являются Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и Таможенный союз, объединяющие более узкий круг стран СНГ, а также Союзное государство России и Белоруссии.

Особую роль в активизации интеграционных процессов играет Таможенный союз, действующий на территории трех государств — России, Белоруссии, Казахстана (имеется возможность подключения к нему в дальнейшем и ряда других стран СНГ). Он получил необходимые для этого атрибуты: единую таможенную территорию, единое таможенно-тарифное регулирование, единый торговый режим в отношениях с третьими странами, единые органы (регулирующий и по разрешению споров). По оценкам, функционирование Таможенного союза позволяет сократить время нахождения товаров в пути в 3 раза, а издержки — в 2,5 раза.

Углубление интеграции в СНГ требует новых стимулов и форм. Для России указанный процесс имеет не только экономическое значение. Он связан с обеспечением национальной безопасности и геополитических интересов и может стать эффективным способом консолидированного противодействия мировому экономическому кризису, о возможности разрастания «второй волны» которого говорят сейчас довольно часто.

Применительно к продвинутым формам постсоветской интеграции уместно говорить о процессе формирования ЕЭП. Собственно, с 2012 г. официально начало функционировать ЕЭП России, Белоруссии и Казахстана. В Декларации о формировании ЕЭП трех названных стран оно определено как «пространство, состоящее из территорий Сторон, на котором функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных правовых норм, существует единая инфраструктура и проводится согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика, обеспечивающие свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы» [Декларация о формировании единого..., ЕврАзЭС: сайт, 2005–2013]. При этом предполагается, что формирование данного ЕЭП обеспечит в будущем движение к созданию Евразийского экономического союза в целях организации гармоничного, взаимодополняющего и взаимовыгодного сотрудничества с другими странами, объединениями и ЕС с выходом на создание общего экономического пространства.

Необходимо проводить различие между такого рода интеграционным ЕЭП и национальным ЕЭП. Безусловно, последнее более глубокое и органичное; в первом же случае сильными ограничителями выступают суверенность стран, национальные различия и обязательства и т.п. В приведенной выше декларации акцент делается на общих механизмах регулирования и согласовании экономи-

ческой политики, а это более поверхностные процессы и действия, не обязательно сопровождающиеся глубинными изменениями и максимальной степенью однородности. И в самом деле, национальные экономические модели трех указанных стран нельзя считать идентичными.

Особое значение для создания постсоветского ЕЭП имеет опыт формирования единого пространства ЕС. Но это формирование нельзя считать завершенным, так как продолжается процесс вхождения в ЕС новых стран, как правило, менее развитых, что усиливает разнородность данного пространства и обостряет имеющиеся проблемы. И тем не менее ЕС — сравнительно успешный проект, представляющий интерес для постсоветских государств. Как известно, начиная с Римского договора 1957 г. ЕС последовательно прошел ряд этапов, среди которых особо важную роль сыграли создание таможенного союза, обеспечение макроэкономической координации, формирование общего рынка, переход к единой валюте. Должна ли Россия со своими партнерами следовать по этому пути и есть ли предпосылки и политическая воля двигаться именно в этом направлении? На данные вопросы пока нет однозначного ответа, и прежде всего от партнеров России, испытывающих «советско-союзный» синдром.

Имеется и другой интеграционный опыт, связанный с функционированием торгового объединения стран Северной Америки (США, Канады, Мексики), — НАФТА. В этом случае, строго говоря, нет оснований признавать наличие ЕЭП и даже единого полноценного торгового пространства, поскольку свобода перетока факторов производства (в частности трудовых ресурсов) имеет ограничения. Здесь не предполагается глубокой интеграции, нет специальных интеграционных институтов, а объединение представляет взаимное торговое соглашение с переходом в русло зоны свободной торговли. В указанном примере не предполагается обеспечения социально-экономической однородности территории и самой общности территории в связи с изначальными разными условиями (имеется в виду прежде всего Мексика). Некоторые страны СНГ, стремящиеся интенсифицировать отношения внутри Содружества, исходя из примата суверенности, могут ориентироваться на формат именно такого типа, как НАФТА, тем самым препятствуя формированию полноценного ЕЭП. Таким образом, сталкиваются два возможных пути постсоветской интеграции — по модели торгового соглашения без формирования подлинного ЕЭП или по модели ЕС с четко выраженной ориентацией на формирование ЕЭП. Возможна и следующая постановка вопроса: «Может ли формирование ЕЭП следовать сначала модели НАФТА, а затем перейти к созданию единого рынка по образцу ЕС?» [Единое экономическое пространство..., Фонд

«Наследие Евразии»: сайт, 2004—2013, с. 39]. Полезен и оправдан и поиск новаторских интеграционных подходов, отражающих своеобразие постсоветского евразийского пространства.

Не вдаваясь в детальную компаративистику рассмотренного вопроса и в конкретные механизмы и стимулы интеграционных процессов, следует обратить внимание на два важных теоретических аспекта, проявившихся в ходе исследования этих процессов и их результатов. Попытки научного обобщения указанной проблемы крайне важны.

I. Соотношение научных категорий национальной экономики и интеграционных пространств. Первые выступают как исходные в экономической системе, вторые — как производные, но приобретающие при этом новое качество, которое должно усваиваться экономической теорией. Здесь необходимо отметить работу известного немецкого исследователя социального рыночного хозяйства Х. Ламперта, в которой он (в соавторстве) показывает, как меняется «экономический и социальный порядок Германии в рамках Европейского союза» [Lampert, Bossert, 2007, s. 7]. Основное внимание в своем труде ученый уделяет переменам, которые претерпевают категории национальной системы экономических отношений, ее отдельные блоки и уровни в условиях вхождения страны в более широкое, общеевропейское пространство. Фиксируются качественные изменения таких национальных «порядков», как порядок собственности, денежный и валютный порядок, финансовый порядок, конкурентный порядок, внешнеэкономический порядок, трудовой и социальный порядок и др. В итоге конкретные интеграционные процессы получают мощный научный фундамент, а экономическая теория в свою очередь расширяет пространство анализа и усиливает свою практическую востребованность.

II. Соотношение систем ценностей и интересов, характерных для национальных и интеграционных пространств. Этот вопрос привлекает внимание современных европейских исследователей, активно размышляющих над тем, что будет представлять собой объединенная Европа: совокупность национальных государств, единое государство или что-то другое? Так, немецкий социолог У. Бек оперирует понятиями «методологический национализм», «методологический универсализм» и «методологический космополитизм», пытаясь придать последнему синтетический характер. Если первый подход делает акцент на различиях по оси «внутри — снаружи», а второй нивелирует различия, проводя грань по оси «выше — ниже» и принося в жертву «особость других предполагаемому универсальному равенству», то третий (в отличие от двух первых подходов и от старого понимания космополитизма в трудах античных стоиков,

Канта, Арендта, Ясперса, Листа) реализует себя на основе принципа «и то и другое», сочетая признание различий и непохожести с интеграцией на основе неких общих, объединяющих ценностных форм. По У. Беку, такой «космополитизм нуждается в новых концепциях интеграции и идентичности... ищет возможности, чтобы прийти к универсальному признанию различий» [Beck, 2008, s. 18–19]. Обращает на себя внимание желание «нового космополитизма» отмежеваться от универсализма, либерального мейнстрима, найти новое сочетание общего и особенного. Он признает ценностные и другие различия, но не абсолютизирует их, а пытается выйти на такое признание различий, которое опирается на систему объединяющих, интегральных форм. В этом случае Европа уходит и от федеративного сверхгосударства, в котором нет места национальным государствам-членам, и от союза государств, в котором нет подлинно единой Европы, а получает возможность стать «Европой многообразия, Европой, в которой многообразие способствует расцвету» [Ibid., s. 19].

Указанные размышления весьма интересны и перспективны для понимания как общеевропейского процесса (его содержания, тенденций развития, концептуальной начинки), так и других интеграционных пространств и их проектов. Однако надо видеть и ограничения при данной постановке вопроса применительно к постсоветскому евразийскому пространству. Здесь нужно принимать во внимание отличное от Европейского союза состояние этого пространства по истории, цивилизационным и геополитическим особенностям, по реально сформировавшейся и еще не утратившей своего значения общей системе ценностей, воспроизводственной взаимосвязи экономик и др. Теоретическая работа по научной интерпретации и практическая работа по укреплению и развитию евразийской интеграции нуждаются в новых импульсах и подходах.

Список литературы

Валиуллин Х., Шакирова Э. Неоднородность инвестиционного пространства России: региональный аспект // Проблемы прогнозирования. 2004. № 1.

Декларация о формировании Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации // ЕврАзЭС: сайт. 2005–2013. URL: <http://www.evrazes.com/customunion/eepr> (дата обращения: 12.09.2013).

Единое экономическое пространство: возможности, проблемы, перспективы: Доклад в рамках совместного исследовательского проекта Лондонской школы экономики и Фонда «Наследие Евразии» // Фонд «Наследие Евразии»: сайт. 2004–2013. URL: http://www.fundeh.org/files/publications/32/doklad_lse.pdf (дата обращения: 12.07.2013).

Кульков В.М. Смешанная экономика (теоретико-методологические аспекты) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 1996. № 5.

Кульков В.М. Пространство и содержание национально ориентированного подхода в экономической теории // Российский экономический журнал. 2013. № 2.

Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов России // Инновации. 2012. № 9.

Сорокина А. Сближение регионов России по уровню жизни: как развивается процесс? // Российское предпринимательство. 2011. № 5.

Beck U. Die jahrhünfzigte Unbekannte. Europa ist nicht ein Staat, nicht eine Nation, nicht eine Organisation // Internationale Politik. 2008. N 4.

Lampert H., Bossert A. Die Wirtschafts- und Sozialordnung der Bundesrepublik Deutschland im Rahmen der EuropäischenUnion. München, 2007.

UNDP Russia Website. 2011. URL: <http://www.undp.ru> (дата обращения: 20.02.2012).